

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

PETER
WATTS

BLINDSIGHT

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ПИТЕР УОТТС

ЛОЖНАЯ СЛЕПОТА

Перевод с английского
Даниэля Смушковича, Николая Кудрявцева

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)
У65

Peter Watts
Blindsight
The Colonel
Insect Gods

Печатается с разрешения автора и литературных агентств

Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

Перевод с английского:

Даниэль Смушкович, Николай Кудрявцев

В оформлении обложки использована иллюстрация *Михаила Емельянова*

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

ISBN 978-5-17-152913-0

© BLINDSIGHT ©2006 by Peter Watts
THE COLONEL ©2014 by Peter Watts
INSECT GODS ©2015 by Peter Watts
© Даниэль Смушкович, перевод, 2015
© Николай Кудрявцев, перевод, 2015
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Сильнее всего поражает меня в мире явственная
необходимость воображать то, что в действительности
уже существует.

Филипп Гуревич ¹

Ты слохнешь попусту, как собака.
Эрнест Хемингуэй ²

---

¹ *Филипп Гуревич* — американский писатель и журналист (р. 1961). Получил известность, написав документальную книгу о геноциде в Руанде «Имею сообщить вам, что завтра нас вместе с нашими семьями убьют» (*здесь и до раздела «Сноски и примечания» примечания переводчика*).

² Цитата из фельетона «Заметки о будущей войне», журнал «Эсквайр», 1935.

Посвящается Лизе

Если нам не больно — значит, мы умерли.

Пролог

Попробуй коснуться прошлого. Попробуй бороться с прошлым. Его нет. Оно — просто фантазия.

*Тед Банди*¹

Все началось раньше. Не с шифровиков или «Роршаха», не с Большого Бена, «Тезея» или вампиров. Большинство сказало бы, что все началось со светлячков, но и это неправда: ими все закончилось.

Для меня все началось с Роберта Паглиньо. В школе он был моим лучшим и единственным другом. Нас, собратьев-изгоев, связывали похожие несчастья. Но если мое состояние оказалось приобретенным, то его — наследственным: естественный генотип наградил Пага близорукостью, прыщами и (как выяснилось позднее) склонностью к наркомании. Родители не стали его оптимизировать. Редкие обломки XX века, сохранившие веру в Бога, они полагали, что не стоит исправлять плоды трудов Его. Привести в норму могли нас обоих, но случилось это лишь со мной.

---

¹ *Тед (Теодор Роберт) Банди* (1946—1989) — один из самых известных серийных убийц США. В 1970-х годах изнасиловал и убил более 30 (точное число неизвестно) женщин.

Я вышел на детскую площадку и увидел, что Пага окружили шесть пацанов. Те, кому удалось прорваться в первый ряд, методично били его по голове; остальные в ожидании своей очереди обзывали «ублюдком» и «убогим дебилом». Я наблюдал, как он неуверенно, словно сомневаясь, поднимал руки, пытаясь заслониться ими от самых болезненных ударов. Видел, что творится у него в голове, и ощущал его мысли яснее собственных: Паг боялся, что мучители могут подумать, будто он отбивается, усмотрят в этом акт сопротивления и возмутятся за него всерьез. Даже тогда — в нежном возрасте восьми лет, управляясь лишь половиной головного мозга, я проявлял задатки идеального наблюдателя. Вот только не понимал, что делать.

В последнее время я редко виделся с Пагом. Почти уверен, что он меня избегал. Но все же, если лучший друг в беде, ему нужно помочь, так? Даже если все против тебя (кстати, много ли восьмилетних мальчишек ради приятеля по играм сцепятся с шестью здоровыми парнями?), надо хотя бы позвать на помощь. За охранниками сбегать. Ну что-нибудь!

А я застыл на месте: мне не особо хотелось его выручать.

Нелепо... Даже если бы Паг не был моим лучшим другом, я мог бы ему посочувствовать. Из-за припадков дети меня боялись и держались на расстоянии. В минуты полного бессилия я страдал от открытого насилия меньше Роберта, но тоже натерпелся оскорблений, насмешек и подножек, которые ни с того ни с сего прерывали мой путь из точки А в точку Б. Мне были знакомы его чувства...

Прежде. Но эту часть меня хирург вырезал вместе с глючными цепями. Я все еще прорабатывал алгоритмы,

чтобы вернуть ее, учился на новом опыте. Стадные животные всегда убивают слабаков в своих рядах. Это знает и инстинктивно чувствует каждый ребенок. Может, следовало позволить процессу идти естественным путем и не мешать природе? С другой стороны, родители Пага не стали перечить естеству, и вот что из этого получилось: их сын лежит, свернувшись клубком, на земле, а шестеро модифицированных «суперпацанов» бьют его по почкам.

В конце концов, там, где потерпело поражение сочувствие, сработала пропаганда. В те дни я, скорее, наблюдал, чем думал; не столько делал выводы, сколько вспоминал. А мозг сохранил множество вдохновляющих баек, восхвалявших заступников униженных и оскорбленных. Поэтому я подобрал булыжник размером со свой кулак и треснул двух обидчиков Пага по затылкам, прежде чем кто-то из них понял, что я вступил в бой.

Третий обернулся на шум — и нарвался на удар такой силы, что его скуловая кость явственно хрустнула. Помню, меня удивило, насколько равнодушно я отнесся к этому звуку: лишь отметил, что стало одним противником меньше. Остальные, увидев кровь, перепугались. Самый храбрый, правда, пообещал, что мне «хана», и, пятясь за угол, крикнул: «Сранный зомбак!»

Только через тридцать лет я уловил в этих словах иронию судьбы.

Двое парней извивались под моими ногами. Одного я пинал в лицо, пока он не перестал шевелиться; повернулся к другому. Кто-то схватил меня за плечо, и я замахнулся — не глядя, не думая, — и Паг с визгом отскочил в сторону.

— Ой,— едва успев остановиться, произнес я.— Извини.

Одно тело лежало без движения. Второе стонало, держалось за голову и завязывалось узлом.

— Ой, блин,— пропыхтел Паг. Из его носа хлестала кровь, заливая рубашку. На скуле наливался лилово-желтый синяк.— Блин-блин-блин...

Я сообразил, что сказать:

— Ты в порядке?

— Ой, блин, ты... то есть ты же не... — Он утер рот. На запястье осталась кровь.— Ой, ну все, нам конец.

— Они сами начали.

— Да, но ты... блин! Посмотри на них!

Тот, который стонал, пытался уползти на четвереньках. Я прикинул в уме, сколько времени у него уйдет, чтобы вернуться с подкреплением. Может, убить прямо сейчас?

— Прежде ты таким не был,— прошептал Паг.

Он хотел сказать — до операции. Тогда я и почувствовал что-то внутри — слабое, едва уловимое, но живучее. Это была злость.

— Они же сами начали...

Паг шарахнулся от меня, выпучив глаза.

— Ты чего? Перестань!

Я обнаружил, что стою с поднятыми кулаками. Не помню, когда и как это сделал. Разжал руки, но не сразу: пришлось долго и старательно буравить их взглядом.

Бульжник упал наземь, отблескивая лаковой кровью.

— Я хотел помочь.

До меня никак не доходило, почему Пагу это непонятно.

— Ты... стал другим,— прошептал он с безопасного расстояния.— Ты больше не Сири.

— Сири — это я. А ты — дурак.

— Тебе мозги вырезали!

— Только половину. Из-за припа...

— Знаю я про твою эпилепсию! Думаешь, я тупой? Но ты остался в той, вырезанной половине. Типа, кусок тебя, что...— Он не мог справиться ни со словами, ни с понятиями, стоявшими за ними.— Короче, ты теперь совсем другой. Будто тебя папа с мамой зарезали и...

— Папа с мамой,— неожиданно просипел я,— спасли мне жизнь. Я бы помер.

— По мне, ты уже помер,— отрезал мой лучший и единственный друг.— Сири мертв, его выковыряли ложкой и спустили в унитаз. А ты какой-то левый пацан, который вырос на его месте. Ты не Сири! С того самого дня стал другим.

До сих пор не могу решить, понимал ли Паг на самом деле, что бормочет. Может, мамаша выдернула сетевой шнур и вытащила сынка из игрушки, которой тот был занят предыдущие восемнадцать часов, прогуляться на свежий воздух? Или он так долго отстреливался в виртуальном пространстве от людей-стручков¹, что те начали ему мерещиться в реале? Может быть...

Однако отмести его слова с ходу не получалось. По-мню, Хелен мне втолковывала, как ей было трудно при-

---

¹ Здесь прямая отсылка к инопланетянам из романа «Вторжение похитителей тел» Джека Финнея и его многочисленным экранизациям. Выражение «люди-стручки» (rod people) — прозвище, данное в романе и фильмах инопланетным двойникам,— стало частью американского сленга и в переносном смысле обозначает еще и малоэмоциональных, равнодушных людей.

выкнуть. «Тебе словно новую душу пришили», — говорила она. И правда похоже. Недаром операция называется «радикальная гемисферэктомия»: половина мозга отправляется вслед за протухшими креветками, а оставшаяся начинает пахать за себя и почившего товарища. Представьте, как должно перекорезить несчастное одинокое полушарие, чтобы оно работало за двоих. Очевидно, мое справилося. Мозг — очень пластичный орган: поднатужился и приспособился. В смысле я приспособился. И все же... Прикиньте, сколько всего выдавилось, деформировалось и перепрофилировалось, когда перепланировка закончилась. Можно смело утверждать, что я стал другим человеком, по сравнению с тем, кто занимал мое тело прежде.

Потом, разумеется, прибежали взрослые: раздали лекарства, вызвали «Скорую». Родители бесновались, обменивались дипломатическими залпами, но сложно вызвать сочувствие к несчастному раненому ребенку, когда камеры наблюдения под тремя разными углами записали, как милая кроха с пятью дружками пинала инвалида ногами. Моя мать воспользовалась подержанными аргументами про трудное детство и вечно отсутствующего отца, который снова улетел на другой конец света. Пыль улеглась довольно быстро. Мы с Пагом даже остались приятелями — после недолгой паузы, напомнившей обоим о том, насколько узок круг общения для школьных изгоев, если те перестанут держаться друг друга.

Я пережил и тот случай, и еще миллион других испытаний детства. Вырос и приспособился. Наблюдал, запоминал, выводил алгоритмы, имитировал приемлемое поведение. Правда, без особой страсти. Как у всех, у меня появились друзья и враги. Я их выбирал, просеивая составленные за годы наблюдений списки моделей и обстоятельств.

Пускай я вырос сухарем, но объективным сухарем, и за это должен благодарить Роберта Паглиньо. Меня сформировало его ключевое наблюдение, оно привело в синтеты, обрекло на губительную встречу с шифровиками и избавило от той судьбы, что постигла Землю. Хорошо это или плохо, зависит от точки зрения. Точка зрения определяет восприятие. Особенно отчетливо я это понимаю теперь — слепой, лежа в гробу, пролетая сквозь рубежи Солнечной системы. Разговариваю сам с собой и впервые с того дня вижу, что избитый в кровь приятель по детским войнушкам уговорил меня отказаться от собственной точки зрения.

Может, ошибался он. Вероятно, я. Но отстраненность — постоянное чувство того, что ты чужой для представителей своего собственного вида, — не всегда плоха.

Она приходится как никогда кстати, если на голову сваливаются настоящие инопланетяне.